

33. Херасков М. М. Владимир Возрожденный // Эпические творения Михайла Хераскова: В 2 т. Т. 2. М., 1787. С. 9–244.
34. Храповицкий А. В. Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990. 298 с.
35. Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма: В 2 т. Т. 2. М., 1991. 671 с.
36. Якобсон А. Л. Крым в средние века. Л., 1973. 174 с.

В. А. Земляничин

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ВОССТАНОВЛЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В АРРАССКОМ ДОГОВОРЕ 1435 года¹

Общеизвестно, что этическая категория справедливости являлась одной из наиболее значимых ценностных доминант западноевропейского средневекового общества. Фундаментальные исследования, посвященные правовому сознанию человека средневековья, средневековой этике, морально-этическим ценностям рыцарства и характеру вассально-ленных отношений, раскрывают различные аспекты данного вопроса. Не вызывает сомнений значение категории справедливости и в формировании этико-политической концепции королевской власти. Как точно заметил Ю. П. Малинин, «в наборе королевских добродетелей ясно выделяется главная — справедливость» [4]. При этом справедливость государя должна была проявляться не только в отношении своих подданных, но и в отношениях с другими государями, поскольку, как известно, средневековое государство персонифицировалось в личности монарха. В этой связи представляется актуальным обратить внимание на проблему практического применения категории справедливости в дипломатии эпохи средневековья, в частности, в переговорных процессах, направленных на завершение межгосударственных конфликтов. Весьма репрезентативными в этом плане являются, на наш взгляд, материалы Аррасского конгресса 1435 г., среди которых мы бы хотели сфокусировать внимание на франко-бургундском договоре, ставшем единственным реальным результатом работы конгресса.

Аррасский договор 1435 г. стал результатом длительного переговорного процесса между представителями французского короля и бургундского герцога. Оставив в стороне длительную дипломатическую подготовку конгресса в Аррасе, а также перипетии политической борьбы в рамках самого конгресса [2], попытаемся проанализировать важнейшие статьи Аррасского договора и определить роль этико-политической проблемы восстановления справедливости в возрождении франко-бургундских отношений.

Английская делегация, отчаянно пытавшаяся на Аррасском конгрессе помешать намечавшемуся еще с начала 1430-х гг. франко-бургундскому сближению, потерпела полное дипломатическое поражение и была вынуждена 6 сентября 1435 г. покинуть Аррас. Но это не привело к завершению работы конгресса. Напротив, как сообщает пикардийский хронист Ваврен, «вскоре после отъезда английских послов из Арраса, две другие партии, которые остались в Аррасе, французы и бургундцы, встретились вместе снова в привычном месте, где у них состоялась крупная дискуссия по различным проблемам, и они согласились заключить окончательный мир между королем Карлом, с одной стороны, и герцогом Филиппом Бургундским — с другой» [12]. Этот важнейший в истории франко-бургундских отношений договор был подписан 21 сентября 1435 г.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00390) в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена.

Согласно условиям договора, герцог Бургундский признавал Карла VII законным и полноправным королем Франции, а следовательно, своим государем и сюзереном. Таким образом, Бургундия в лице своего герцога отказывала английскому королю Генриху VI в признании его королём Франции, хотя именно на этой позиции зиждилась вся внешняя политика Бургундии в 20-е гг. XV в. Со своей стороны, Карл VII брал на себя ряд определенных обязательств перед Филиппом Добрым, а также гарантировал особый статус Бургундии в составе Французского королевства. Весь текст договора, по сути, является перечислением уступок в пользу Бургундского герцога, на которые пошел король Карл. В основу договора в Аррасе были положены соглашения, достигнутые на предварительных переговорах между представителями Карла VII и Филиппа Доброго в феврале 1435 г. в Невере.

По мнению Ж. Фавье, в пространном документе, каким является Аррасский договор, можно выделить три блока статей: первый касается вопросов морали, второй — территориальных проблем, а третий посвящен «политике широкого масштаба» [9]. Весьма примечательно, что вопрос восстановления справедливости поставлен в этом соглашении на первое место. Герцог Бургундский не мог заключать каких-либо соглашений с государем, потворствовавшим убийству его отца. Как преемник и наследник Жана Бесстрашного, Филипп Добрый должен был восстановить справедливость путем публичного осуждения данного преступления и отречения французского короля от причастности к этому злодеянию. С другой стороны, король Карл также был заинтересован в том, чтобы снять с себя обвинения в причастности к убийству Жана Бесстрашного. Здесь уместно напомнить, что 29 статья договора в Труа 1420 г., фактически лишавшего будущего Карла VII прав на французский престол, вменяла ему в вину «ужасающие злодеяния и проступки» [*exhorrenda crimina et facinora*], под которыми явно подразумевалось его участие в убийстве герцога Бургундского [10. Р. 174]. Таким образом, Аррасский договор, фактически дезавуировавший договор в Труа, должен был реабилитировать Карла VII в глазах подданных (коиными были в том числе и жители Бургундского герцогства). И подобная «реабилитация» являла собой другой аспект принципа восстановления справедливости, лежащего в основе Аррасского договора.

В первом же пункте договора король Карл признавал, что «смерть усопшего герцога Жана Бургундского [отца герцога Филиппа. — В. З.] была незаконным и гнусным поступком тех, кто совершил это преступление» [11. Р. 125], а во втором пункте он обещал «со всем возможным проворством задержать преступников, чтобы подвергнуть их наказанию как имущественному, так и телесному, и конфисковать их имущество» [11. Р. 126]. Пункт 3 гласил, что при поимке и наказании этих преступников «положение при дворе и могущество не будут иметь значения» [11. Р. 126]. Такое публичное признание Карлом VII преступности действий, совершенных в Монтеро в 1419 г. при его непосредственном участии, и обещание наказать преступников было продиктовано огромной заинтересованностью французского короля в союзе с герцогом Бургундским, поскольку, как мы уже заметили выше, именно такая официальная оценка событий в Монтеро была единственной возможностью восстановления справедливости по отношению к покойному герцогу Бургундскому.

Конечно, герцог Филипп не мог не понимать, что король Карл сам играл не последнюю роль в убийстве герцога Жана, и не ждал от него беспощадной расправы над всеми, кто к этому убийству был причастен. Но герцог Бургундский не мог заключить союз с людьми, участвовавшими в убийстве его отца, поэтому для него было важно, чтобы они раскаялись, были подвергнуты порицанию и удалены от двора. Кроме того, Филипп Добрый должен был показать, что превыше всего он ставит заботу об упокоении души своего отца, павшего жертвой коварных злоумышленников. Согласно 5-й,

6-й и 7-й статьям договора, король Карл брал на себя обязательства: построить в Монтеро часовню, где ежедневно будут проводиться молитвы о спасении души покойного герцога Жана, на что каждый год будут выделяться 60 ливров из королевской казны; создать недалеко от Монтеро монастырь в память о герцоге Жане, предназначенный для жизни 12 монахов, на содержание которых будут ежегодно выделяться из казны 800 ливров; а также «на месте, где было совершено вышеупомянутое ужасное преступление, установить прекрасный резной крест, который будет содержаться в порядке на средства короля» [11. Р. 127–128]. Каким именно должен быть этот крест, предстояло определить кардиналу Альбергати как представителю Святого престола на Аррасском конгрессе. Кроме того, король должен был построить церковь в Дижоне, столице Бургундии, для упокоения тела герцога Жана. В статье девятой король обязался закончить строительство всех упомянутых выше сооружений в течение 5 лет.

После того как морально-этическая сторона дела была урегулирована, стороны перешли к территориально-финансовым вопросам, а также к вопросам, касающимся статуса Бургундии. Прекрасно понимая, насколько важна для короля Карла поддержка Бургундского герцогства, Филипп Добрый решил получить от своего «венценосного кузена» максимум всякого рода уступок, которые также могут трактоваться как восстановление справедливости французского короля в отношении своего бургундского кузена.

Согласно статье 11, «сеньор герцог Бургундский, его наследники и наследники его наследников (мужского и женского пола) получают графство Маконнэ со всеми деревнями, городами, доходами с них, правами покровительства над церквями этого графства» [11. Р. 130–131]. Герцог получал звание пэра Франции и наделялся всеми прерогативами, свойственными другим пэрам, а также становился королевским судьей и королевским поверенным. Кроме того, король признавал законность всей администрации Бургундского герцогства, «исполняющей свои обязанности во имя короля и в пользу герцога Бургундского» [11. Р. 132]. Герцог получил право собирать «налоги на любые товары, на соль и вино, а также подымную подать с герцогства Бургундского и графств Шароле, Маконнэ, Шалон, Остан и Лангр» [11. Р. 132–133]. Согласно пункту 14, в вечное владение герцога и его наследников переходило графство Оксеруа, а пункт 15 гласил, что «по воле короля, герцог Бургундский становится бальи Санса» [11. Р. 134]. Также в вечное наследственное владение Филиппа Доброго перешли «укрепленный замок, город и округ, подчиненный ему как сеньору, под названием Бар-сюр-Сен (Bar-sur-Seine)»; аббатство Люксор, которое он обязывался «защищать и оберегать от всех неприятностей»; «замки, города, крепости и права судьи в Перонне, Мондидье и Руа со всеми их областями и фьефами» [11. Р. 135–136]. Наконец, согласно статье 23, французский король закреплял за герцогами Бургундскими право на владение графством Артуа, контроль над которым Бургундия установила в период своего союза с Англией, а также денежное содержание, равное 14 000 ливров в год, «если ни он, ни его потомки не признают своим владыкой никого, кроме короля Франции» [11. Р. 138]. Французский король, кроме всего указанного выше, закреплял за Филиппом Добрым города, расположенные на Сомме и составлявшие приданое его первой жены Мишели Французской, родной сестры Карла VII, скончавшейся в 1422 г. Однако король оставил за собой право выкупить обратно города за огромную сумму, равную 400 000 золотых крон.

На наш взгляд, данные уступки также можно рассматривать как политику восстановления справедливости французского короля в отношении герцога Бургундского. Ведь ряд территорий, признаваемых Карлом VII в качестве бургундских владений (Маконнэ, Оксеруа), в свое время были переданы Филиппу Доброму английским королем Генрихом V как регентом Франции при короле Карле VI, то есть де-юре были пожало-

ваны герцогу Бургундскому отцом Карла VII. На Артуа герцог Бургундский имел права законного наследника Маргариты Фландрской. Что же касается городов Соммы, то они были компенсацией за приданое принцессы Мишели, которое в свое время было обещано Филиппу Доброму, но так никогда и не было выплачено ни французским королем Карлом VI, ни его английскими преемниками. Таким образом, Карл VII формально не делал никаких территориальных уступок герцогу Бургундскому, а лишь восстанавливал Филиппа Доброго в его законных правах.

В качестве особого условия было оговорено, что герцог Бургундский будет освобожден от всех обязательств, данных королю Франции по оммажу, на протяжении всей жизни Карла VII и Филиппа Доброго, а вассалы герцога в течение всего этого времени не должны созываться королем на военную службу. Кроме того, король Карл отказывался от заключения союза с императором Священной Римской империи Сигизмундом I, направленного против герцога Бургундского, и брал на себя обязанность помогать Филиппу, если тот будет атакован англичанами.

Таким образом, Аррасский договор очень сильно укрепил позиции Филиппа Бургундского. За ним были закреплены территории, контроль над которыми был установлен герцогом в годы его союза с Англией. На всех подчиненных землях герцог получил целый ряд судебных и финансовых прерогатив, в частности, права на сбор различных видов налогов. Кроме того, он фактически освобождался от вассальных обязанностей по отношению к королю Франции, в то время как король должен был защищать его владения от возможных нападений англичан. Поэтому сказать, что Бургундия, согласно договору в Аррасе, становилась союзницей Карла VII, не совсем верно. Скорее, как отметил В. И. Райцес, она «обещала Франции дружественный нейтралитет» [6]. Но и этот нейтралитет значил для Карла VII очень много: он позволял теперь вести войну только с самой Англией, которая с каждым годом испытывала все больше сложностей с получением денег для содержания армии и в которой идея борьбы за королевские права на континенте становилась все менее популярной.

Самым естественным путем получения столь необходимого для Карла VII бургундского нейтралитета было восстановление справедливости в отношении как покойного герцога Бургундского, так и его законного наследника и преемника. Только путем восстановления справедливости король Карл мог удовлетворить как морально-этические, так и политические требования Филиппа Доброго и при этом сохранить своё королевское достоинство. В данном случае и огромные материальные уступки, и даже публичное признание преступлений своего ближайшего окружения выглядели как реализация королевских прерогатив. Поэтому нам представляется возможным оспорить широко распространенную в историографии точку зрения, согласно которой в Аррасе Карл VII «перед лицом чрезмерно могущественного вассала принимал вид кающегося преступника, унижаясь до того, чтобы просить прощения...» [5].

С другой стороны, возникает вопрос: что побудило герцога Бургундского, в свое время пошедшего на прямой союз с Англией и в значительной степени подготовившего фундамент «двуединой» англо-французской монархии, фактически поставившей Карла VII вне закона, кардинальным образом изменить свою позицию и заключить союз со своим «французским кузеном»? На наш взгляд, причины столь радикальных перемен коренятся в «несправедливости» для Бургундии самих фундаментальных принципов, на которых была создана объединенная англо-французская монархия и которые были зафиксированы в договоре 1420 г. в Труа [3]. Неопределенность статуса Бургундии в системе «двуединой» англо-французской монархии, обозначившаяся в Труаском договоре 1420 г., неизбежно вела к отсутствию стабильности англо-бургундских связей. Пока союз с Англией приносил плоды, Филипп Добрый оставался верен условиям до-

говора 1420 г., но к 1435 г. выгодность этого союза для Бургундии стала очень сомнительна. По словам современного российского историка М. А. Зайцевой, «Англия в результате военных неудач и внутренних неурядиц потеряла для Бургундии значение серьезного союзника на континенте» [1]. Утратившая поддержку населения северной Франции система «двуединой монархии» стала неинтересна и даже невыгодна Филиппу Доброму. Карл VII привлек герцога на свою сторону тем, что очень четко законодательно определил высокий статус Бургундии в составе Французского королевства. Бургундское герцогство и все подвластные ему территории фактически превратились в самостоятельное государство, связанное с Францией лишь слабыми вассальными связями. Это устраивало герцога гораздо больше, чем неопределенное положение в рамках призрачной «двуединой монархии», жизнеспособность которой с каждым годом становилась все менее вероятна.

Таким образом, действия Филиппа Доброго в отношении Карла VII также могут трактоваться как восстановление справедливости. Признавая Карла VII законным королем Франции, Филипп Добрый восстанавливал справедливость, попранную договором в Труа 1420 г. В этой связи будет уместно напомнить, что именно канцлер Филиппа Доброго Никола Ролен в ходе подготовки условий Аррасского договора обратил внимание, что утверждение англичанами власти Генриха VI во Франции на основе договора в Труа 1420 г. юридически несостоятельно. Ссылаясь на пункт 6 договора в Труа, он отметил, что корону Франции после смерти Карла VI должен был получить именно Генрих V, который мог передать ее своим наследникам, но о прямой передаче французской короны от Карла VI к наследникам Генриха V ни в одной из статей договора не говорится [10. З. 171]. Следовательно, Генрих VI не мог унаследовать трон Франции ни от своего отца, так как тот к моменту смерти не был французским королем, ни от своего деда по материнской линии, так как договор в Труа этого не предусматривал. Как точно подметил А. Бен, договор в Аррасе «уничтожил сущность двуединой монархии» [7]. Таким образом, легисты Филиппа Доброго дали возможность своему герцогу представить переход на сторону Карла VII как восстановление справедливости в отношении законного государя, который, в свою очередь, восстанавливал справедливость в отношении самого герцога. Стороной же, поправшей справедливость, в данной логической комбинации оказывались английские власти. Поэтому Карл VII при дружественном нейтралитете Филиппа Доброго имел полные основания развернуть против них «справедливую» войну. По мнению А. Карри, Столетняя война, которая на время существования «двуединой монархии» приобрела характер гражданской, вновь превратилась в войну «между английским и французским народами и их правителями» [8].

В заключение отметим, что, Аррасский договор, условия которого стали закономерным итогом постепенно нараставших англо-бургундских противоречий, подвел черту под процессом продолжавшимся, по меньшей мере с 1429 г., — процессом крушения объединенного англо-французского королевства. Реализация принципа восстановления справедливости, лежавшего в основе этого соглашения, кардинально изменила расстановку сил в западноевропейском регионе, что во многом предопределило результаты более чем векового противостояния Англии, Франции и их союзников, завершившегося во второй половине XV столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева М. А. Аррасский мир Столетней войны и борьба за Кале в 1436 г. // Англия и Европа: проблемы истории и историографии / Отв. ред. Е. В. Кузнецов. Арзамас, 2001. С. 74.

2. *Земляничин В. А.* Дипломатическая подготовка Аррасского договора 1435 г. // Герценовские чтения 2003. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2003. С. 103–106.
3. *Земляничин В. А.* Труасский договор как юридическая основа англо-французской монархии XV в. // Вестник молодых ученых. 2000. № 5. С. 13–18.
4. *Малинин Ю. П.* Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV-XV вв. СПб., 2000. С. 156.
5. *Перруа Э.* Столетняя война. СПб., 2002. С. 377.
6. *Райцес В. И.* Процесс Жанны Д'Арк. М.; Л., 1964. С. 126.
7. *Burne A. H.* Agincourt War. New Jersey, 1956. P. 277.
8. *Curry A.* The Hundred Years War. N.-Y., 1993. P. 108.
9. *Favier J.* La Guerre de Cent ans. P., 1980. P. 540.
10. Foedera, Conventiones, Litterae et Cujuscunqve Generis Acta Publica inter Reges Angliae et Alios Quosvis Imperatores, Reges, Pontifices, Principes, vel Communitates. Vol. IV. Pars 3 / Ed. by Th. Rymer. L., 1740.
11. Les Grands Traités de la Guerre de Cent ans / Publ. E. Cosneau. P., 1889.
12. *Waurin Jean de.* Recueil des croniques et anchiennes istories de la Grant Bretagne a present nomine Engleterre / Ed. by W. Hardy. Vol. IV. L., 1868. P. 72.

А. В. Крейцер

АПОСТОЛ ЛУКА И ПЕТЕРБУРГ

Очень часто апостола Луку называют писателем, евангелистом-интеллигентом, или евангелистом для интеллигентов, аргументируя это тем, что он явно имел греческое образование, что в его Евангелии больше всего слов и пр. Но ведь признак интеллигента — не образованность, а соединенная с образованностью внутренняя культура, своеобразное целомудрие души. Только с таким целомудрием можно было участвовать в написании иконы Божией Матери, о котором рассказывает предание о Луке. Только с таким целомудрием апостол Лука — единственный из евангелистов — смог коснуться детства Христа в доме Марии и шире, чем другие создатели Евангелий, — богородичной темы.

Но интеллигентность — во многом понятие, рожденное в Петербурге и Петербургом. Что есть Петербург?

Вспомним стихотворение Федора Тютчева, рисующее образ России Христа:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.